ЛЮБОВЬ ПО ГРОБЪ.

Съ вечера стала капиль, потекло съ кровель ручьями, понесло Богъ–вѣсть откуда хлопьями, задуло изъ каждаго перекрестка вдоль улицъ во всѣ четыре стороны и метлы дворниковъ, въ широкихъ, сѣнокосныхъ размахахъ, пошли по сапогамъ отчаянныхъ прохожихъ. Воркуновъ поглядывалъ по временамъ изъ форточки, покачивалъ головой и думалъ: «Да ужъ ты себѣ какъ хочешь дуй, то–есть хоть мети, хоть разливайся, а не миновать мнѣ того, что промочить пару сапогъ до самыхъ стелекъ. Пойду въ теплицы, на Выборгскую Сторону, тамъ найду подешевлѣ, и ужъ не пожалѣю за–то ничего; нѣтъ, прошу не взыскать, то–есть что только найду получше.... ну, ничего не пожалѣю!»

Утромъ, однакожъ, оказалось совсѣмъ иное, чѣмъ съ вечера: сильный морозъ все сгладилъ и выровнялъ; бурый цвѣтъ улицъ обратился въ бѣловатый, какъ–будто соль

выцвѣла на солончакѣ; воздухъ прочистился и прояснился и только наискось, изъ–за угловъ, мело и посыпало порошистымъ и бѣлымъ снѣжкомъ, какъ сахаромъ, и мѣстами образовались поперегъ улицъ бѣленькіе порожки или передулины. «А» подумалъ Воркуновъ, «это на твое счастье, мой ангелъ–хранитель, это ты надо мною умилосердилась... О, ты кротка, какъ райская Пери».... Онъ скоро одѣлся и пошелъ.

«Вотъ» думалъ онъ дорогою, «что значитъ изящество, что неистощимая, неизсякаемая любовь.... буду дня три безъ обѣда, и еще Степанъ Иванычъ цѣлую недѣлю коситься будетъ на меня за то, что я сегодня не приду въ департаментъ.... и мать моя, бѣдная старушка, упрекать будетъ мнѣ въ письмѣ, что я ей не дослалъ положеннаго; а ей взять не откуда.... Но что все это, въ сравненіи съ этимъ восхитительнымъ чувствомъ, которое уноситъ меня за предѣлы вещественнаго міра?... а ужъ букетъ будетъ; будетъ такой,

какой не стыдно бы бросить и графу и князю.... и кровныя, послѣднія денежки на это пойдутъ, всякую нужду перенесу, и добрая мать моя перенесетъ.... О, это будетъ очистительная жертва!»

«Конечно» продолжалъ онъ, «она, моя Пери, моя союзная душа и не узнаетъ и во снѣ не увидитъ того, отъ кого будетъ ей это кровное приношеніе, которое освятится въ рукахъ приносителя страстной и чистѣйшею слезой.... прими, о, прими эту безкровную жертву, стоющую кровавыхъ трудовъ и лишеній; прими ее только съ улыбкой, а на меня не смотри, меня не ищи въ толпѣ, ты меня никогда не увидишь, не узнаешь; никогда не услышишь ты, что есть на свѣтѣ Воркуновъ!»

Онъ замѣтилъ, что, въ горячкѣ этого бреда, распахнулъ плохую шинелишку свою и что нѣжный, декабрскій зефиръ пронизывалъ его тонкой струйкой и игралъ въ сборчатой манишкѣ, какъ въ бѣлой розѣ; завернувшись плотнѣе въ плащъ, Воркуновъ прибавилъ шагу, подумавъ только: «для тебя, моя Пери, все, все

перенесу и даже умру съ наслажденіемъ.... и никто, никто, ни одна душа въ мірѣ объ этомъ не узнаетъ, и ты спокойно и безмятежно наслаждаться будешь всѣмъ, чѣмъ благая природа тебя одѣлила, поставивъ выше всѣхъ смертныхъ, какъ одинокая луна стоитъ выше этихъ фонарей.... ты никогда не узнаешь моихъ страданій, моихъ жертвъ, моей вѣрности по гробъ; нѣтъ, я отдаю себя за тебя на всесожженіе, я не хочу возмущать твоего покоя»....

Лучшіе цвѣты были выбраны и составили цѣлый снопъ, который садовникъ осторожно завертывалъ въ тройную бумагу, обвязывая бѣлымъ лычкомъ. Воркуновъ распоряжался какъ вдохновенный; какая–то торжественность и величіе, въ обращеніи съ садовникомъ, замѣнили обычную робость младшаго помощника столоначальника и болѣе половины мѣсячнаго жалованья была отдана за снопъ этотъ, съ такимъ же точно чувствомъ, какъ человѣкъ кидается въ воду, или въ огонь, жертвуя жизнью для спасенія погибающаго.

Но когда садовникъ, у котораго подобные покупатели въ годину букетоманіи были всѣ на–перечетъ, спросилъ незлобно: «А для кого вы это изволите брать?» то у бѣднаго Воркунова дыханье сперлось въ гортани и онъ, впавъ внезапно опять въ таинственную робость свою и взглянувъ на обношенную одежду, не нашелъ что отвѣтить: «Тамъ, для одного пріятеля» пробормоталъ онъ, заикаясь, покраснѣлъ как піонъ и поспѣшилъ уйдти.

Весь день, до вечера, употребленъ былъ на уходъ за этими цвѣтами, на разборку ихъ, на подборку въ три отдѣльныя связки, въ которыхъ каждому цвѣтку, согласно таинственному объясненію этого языка влюбленныхъ, придано было особое значеніе. Когда все это было готово, смыслъ трехъ букетовъ прочитанъ нѣсколько разъ, то про–себя, то вслухъ, со слезой отчаяннаго восторга на глазахъ, тогда три живыя книги эти были поставлены въ рядъ въ какихъ–то трехъ жалкихъ посудинкахъ чиновничьяго хозяйства, на одинокій, ветхій ломберный столикъ,

который нарочно для этого торжественнаго случая былъ выдвинутъ на средину комнатки.... Затѣмъ, Воркуновъ отправился въ гостинный дворъ и долго искалъ, и подбиралъ, по вкусу своему розовую ленту, только настоящаго розоваго цвѣта, и наконецъ, купилъ почти кирпичную — до того у него съ непривычки глаза утомились этимъ выборомъ....

Насталъ вечерній часъ и Воркуновъ снарядился, какъ женихъ. Кудри, духи, бѣлыя перчатки, лучшая манишка и батистовый платокъ — ничего не было забыто; но партикулярной пары у него не было; поневолѣ надѣлъ онъ вещь съ бархатнымъ воротникомъ и гербовыми пуговицами. Цвѣты осторожно уложены были въ корзинку; въ шесть часовъ онъ ужъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ великій моголъ на престолѣ, и закрытая корзинка стояла подъ креслами, въ ожиданіи своей очереди.

Это былъ бенефисъ той самой Пери, той райской птички, которою бредилъ несчастный Воркуновъ во снѣ и на яву. А

чего стоило ему добиться билета на этотъ бенефисъ! Боже мой, къ какимъ пожертвованіямъ способенъ человѣкъ.... цѣлое утро пропало за билетомъ этимъ, и Степану Ивановичу предоставлено было дуться и коситься, сколько ему угодно; другая половина мѣсячнаго жалованья пропала.... но билетъ добытъ, и когда онъ положенъ былъ въ карманъ, то сердце отогрѣлось, стало отходить, а потомъ запрыгало и замоталось, какъ малиновка въ вешній денёкъ, между кустиками и цвѣточками....

Лишь только Пери явилась на помостѣ, какъ грохотъ рукоплесканій заглушилъ оркестръ; не успѣла она откланяться на это изступительное привѣтствіе и ступить шагъ, какъ то же повторилось; только–что она хотѣла–было раскрыть уста свои, какъ третій, такой же взрывъ, клики и крики всѣхъ родовъ и топотъ ногами встрѣтили первый звукъ голоса ея, прежде чѣмъ онъ вылетѣлъ изъ гортани... Такимъ образомъ продолжалось отъ начала и до конца въ–теченіе пяти безконечныхъ дѣйствій....

неистовство зрителей возрастало по мѣрѣ восторга, которому не было никакой мѣры. Воркуновъ не зналъ и не помнилъ себя; онъ такъ далеко унесся отъ всякой существенности, что не помнилъ даже въ это время есть ли на свѣтѣ люди, которымъ принадлежитъ неотъемлемо званіе помощника столоначальника, не говоря ужъ о томъ, что въ этихъ двухъ словахъ подразумѣвалось еще недосказанное, непріятное словечко: *младшій*. Воркуновъ, выждалъ свое время, выхватилъ изъ корзинки подъ креслами и пустилъ, какъ изъ мортиры одинъ снопъ, другой, третій; и достигнувъ наконецъ предѣловъ своихъ томительныхъ желаній, болѣзненныхъ порывовъ и страстнаго влеченія, струсилъ безъ мѣры и поспѣшилъ выбраться, подъ–шумокъ, изъ рядовъ креселъ.... Тамъ, въ переходахъ, онъ перевелъ духъ, прислушивался трепетно къ неистовому реву и вызовамъ, но услышавъ еще разъ волшебное имя, отъ котораго всѣ жилки и поджилки его приходили въ трепетъ, онъ снова ворвался въ театръ, прокричалъ

громогласно завѣтное имя это, которое онъ произнесъ въ слухъ, при другихъ людяхъ, едва–ли не впервые въ жизни своей, и, завернувшись въ плащъ, вышелъ и мѣрными шагами отправился домой.

Трудно было бы найдти въ это время человѣка счастливѣе и довольнѣе собой, чѣмъ Воркуновъ: ему казалось, что онъ теперь свершилъ назначеніе свое въ этомъ мірѣ и могъ спокойно умереть. Утомленіе его отъ этого подвига было такъ велико, что, упавъ дома на одинокую, шаткую кровать свою, не зажигая даже и свѣчи, онъ пролежалъ еще часа два или три въ какомъ–то разслабленномъ болѣзненномъ состояніи, между–тѣмъ, какъ волненіе крови не давало ему уснуть. Безсознательныя грезы сна сливались съ мечтательными грезами дѣйствительности; полузабытье утомленія съ безчувствіемъ сна, и въ девять часовъ утра, блаженный Воркуновъ, лежалъ еще полуодѣтый, на своей постели; кроткая улыбка процвѣтала на устахъ его, между–тѣмъ, какъ одолѣвшій его подъ утро крѣпкій и тяжелый

сонъ, сковалъ всѣ члены его, какъ насланная спячка.

Нѣсколько повторительныхъ ударовъ въ дверь остались безъ послѣдствій, стукъ повторился сильнѣе; Воркуновъ ничего не слышитъ. Кто–то отошелъ отъ дверей, вызвалъ дворника, началъ спорить съ нимъ, увѣряя, что Воркунова нѣтъ дома, тогда–какъ тотъ утверждалъ, что впустилъ его около полуночи и что постоялецъ послѣ того не выходилъ со двора; оба вмѣстѣ отправились къ дверямъ его; дворникъ принялся стучать по–своему, поосновательнѣе, и Воркуновъ, которому снилось, будто весь театръ надъ нимъ обрушился, вскочилъ въ испугѣ и безпамятствѣ и нѣсколько минутъ не могъ опомниться. Понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, онъ поспѣшилъ отворить дверь — и предъ нимъ стоялъ помощникъ экзекутора.

Разстроенный видъ чиновника, который ужъ три дня не являлся въ департаментъ и стоялъ теперь растрепанный и полуодѣтый, ровно спохмѣлья, и глядѣлъ въ недоумѣніи на незванаго гостя, между–тѣмъ, какъ

этотъ столько времени безуспѣшно стучался у дверей — все это лишило нечаянное свиданіе двухъ короткихъ знакомцевъ всякой пріятности. Сухо освѣдомился одинъ, по приказанію начальства, о причинѣ неприбытія къ должности другаго; а другой, такъ же сухо, но съ видимымъ замѣшательствомъ отвѣчалъ: «по приключившейся мнѣ болѣзни». Оба какъ–то невольно оглянулись въ комнатѣ и разбросанные въ безпорядкѣ по окнамъ, столу, стульямъ и полу остатки щегольскаго убранства Воркунова, а также обрѣзки стеблей цвѣточныхъ и листьевъ — все это еще болѣе поразило странностью своею одного и озадачило другаго. «Сегодня будете?» спросилъ помощникъ экзекутора. — «Да, буду» отвѣчалъ помощникъ столоначальника, «мнѣ сегодня получше». Первый повернулся и вышелъ, безъ поклона, а подумавъ только: «пьянъ, не пьянъ, а видно только–что проспался, или спятилъ съ ума».

«Этотъ подлый народъ» проворчалъ про–себя Воркуновъ, оставшись одинъ, «подлѣйшее племя! Бумагу ѣстъ, перья ѣстъ, чернила ѣстъ, сургучъ ѣстъ, песокъ ѣстъ.... а все ему мало; еще–таки и награжденіе получаютъ на ряду съ нашимъ братомъ, голякомъ, изъ остаточныхъ суммъ... А каково нашъ братъ, голякъ, вчера отличился?... О ты, божество, Пери неземная.... райская птичка....»

Вотъ что было въ декабрѣ; а въ первыхъ числахъ мая, послѣ того какъ ледъ на Невѣ взломало, мутныя канавы прочистились и тусклое солнце только–что стало пригрѣвать аристократическую половину Невскаго Проспекта, все это внезапно приняло совсѣмъ иной видъ. Судьба всего прекраснаго — смерть; а судьба смерти — выходить на покосъ, по–крайней–мѣрѣ тамъ, гдѣ повѣсть наша совершилась, весной, между срокомъ вскрытія рѣкъ и одеждой деревьевъ зеленью. И въ это–то время внезапно разнеслась молва, что прекрасная Пери, которой подобныхъ и не бывало на нашихъ театральныхъ помостахъ,

невозвратимо вянетъ, догораетъ, какъ едва–тлѣющійся подъ пепломъ уголёкъ.

Страданія бѣднаго Воркунова при этой нежданной вѣсти, которая составляла повсемѣстный предметъ бесѣды каждыхъ двухъ или трехъ человѣкъ, столкнувшихся на улицѣ, страданія его были невыразимы; они тѣмъ болѣе угнетали и подавляли его, что онъ долженъ былъ молчать, подавить все, что въ немъ происходило, ходить скрѣпя сердце, стиснувъ зубы, и развѣ только прислушиваться къ тому, что говорятъ другіе.... Въ его положеніи и, сверхъ того, еще при наслѣдственной и благопріобрѣтенной робости, ничего болѣе не оставалось, хотя томленіе это грозило душѣ и тѣлу изнеможеніемъ....

Какой это, бывало, праздникъ для бѣднаго Воркунова, когда онъ только увидитъ имя ея на афишкѣ! какъ у него бьется при этомъ сердце! Какихъ трудовъ, заботъ и хлопотъ, стоило ему иногда добиться билета въ театръ, тогда–какъ народъ ломился туда, сбивая съ ногъ другъ друга, притискивая переднихъ счастливцевъ

плашмя къ стѣнѣ и не обращая никакого вниманія на мазуриковъ, которые въ это роковое время смѣло очищали карманы! Какихъ лишеній стоилъ каждый билетъ, каждый рубль, который онъ отымалъ отъ насущнаго пропитанія своего и съ восторгомъ относилъ, какъ лепту свою, какъ приношеніе идолу, предъ которымъ благоговѣлъ, въ кассу театра! Съ какимъ боязненнымъ ожиданіемъ стаивалъ онъ по цѣлымъ часамъ въ потьмахъ, на холоду, въ ненастную погоду у того подъѣзда, гдѣ она должна была соскочить съ лежачихъ ресоръ и впорхнуть въ храмъ свой.... только увидѣть ее мелькомъ, даже только почувствовать неизъяснимымъ чувствомъ близость ея — болѣе онъ не хотѣлъ ничего, а уходилъ послѣ домой и засыпалъ въ блаженныхъ грезахъ, а на другой день смотрѣлъ на всѣхъ товарищей и сослуживцевъ своихъ въ департаментѣ, какъ на жалкихъ человѣкотварей, которымъ не дано дарованнаго ему небомъ блаженства.... И никто, никто въ мірѣ не догадывался, не подозрѣвалъ даже ничего

подобнаго въ Воркуновѣ, а всѣ, въ ослѣпленіи своемъ, привыкли считать его просто чудакомъ, который, по крайнему чудачеству своему и безтолочи, иногда стоитъ на границѣ къ малоумію....

Однажды слухъ о какомъ–то великолѣпномъ, драгоцѣнномъ алмазномъ ожерельѣ съ изумрудами, поднесенномъ этой Пери, заставилъ Воркунова крѣпко призадуматься. «Что», подумалъ онъ, «кабы я былъ мильйонщикъ и пошелъ бы къ первому брильянтщику и выбралъ бы самую дорогую вещь, во сто, въ триста тысячъ, и вынулъ бы деньги изъ кармана, и отсчиталъ бы ихъ ему, и явился бы съ этою вещью.... тсъ.... не говори: страшно! Тогда бы ужъ не было тайны; тогда бы всѣ объ этомъ узнали: такой вещи утаить нельзя; тогда бы вся столица съѣхалась смотрѣть на это и спрашивала бы: «отъ кого это? кто это приподнесъ?» — «Губернскій секретарь Воркуновъ.» — «Какой Воркуновъ? гдѣ онъ? что онъ?» Пальцами стали бы тогда указывать.... А мнѣ что? пожалуй тогда указывай; тогда бы, можетъ–статься, и мы

бы не тѣмъ голосомъ хрюкали, какъ теперь....»

Подумавъ это, Воркуновъ, какъ стоялъ на ногахъ передъ окномъ своимъ, повернулся къ столику, вынулъ изъ ящика рублей тридцать асигнаціями, да около цѣлковаго мелочью, положилъ все это въ карманъ, застегнулся, взялъ шляпу и вышелъ. Пройдя разъ–другой по Невскому и заглядывая въ окна, украшенныя звѣздами, поручнями и подвѣсками, онъ, наконецъ, рѣшился и зашелъ въ одинъ изъ первыхъ магазиновъ золотыхъ дѣлъ. Онъ объявилъ, впрочемъ, честно, при самомъ входѣ, что ничего не купитъ, и просилъ только позволенія взглянуть на разложенныя вещи. Онъ разсматривалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ очинку пера, изготовляемаго для расписки заглавнаго листка годовому отчету, потому, замѣтимъ, что заглавный листъ этотъ всегда писался Воркуновымъ, какъ человѣкомъ со вкусомъ и съ сочувствіемъ къ изящному. Онъ былъ очень углубленъ въ созерцаніе разсыпаннаго передъ нимъ, подъ стеклами,

богатства, не обращая никакого вниманія на посторонняго человѣка, который хлопоталъ о какомъ–то невзрачномъ колечкѣ, какъ вошедшій въ лавку третій посѣтитель поздоровался съ первымъ и сказалъ: «Слышали? скончалась», и назвалъ именно ту, которую тогда оплакала вся столица.... «Не–уже–ли?» спросилъ первый, «нѣтъ, я только слышалъ, что она безнадежна». — «Да», продолжалъ тотъ, «скончалась, бѣдная, сегодня утромъ. Какая потеря! Что это было за милое созданье, что за изящное творенье — и какая художница! Послѣ–завтра, въ полдень, похороны. Я думаю, вся столица будетъ толпиться въ церкви и на Смоленскомъ....»

Воркуновъ остолбенѣлъ и съ трудомъ дошелъ домой. Ночь, проведенная въ безсонницѣ и горячкѣ, освѣтилась для него зарею убѣжденія, что такъ лучше, что этому иначе и быть не должно, что люди недостойны ея и что теперь, теперь только онъ можетъ любить ее безкорыстно, какъ безплотный духъ, какъ истинную Пери лучшаго міра. Онъ собрался съ силами и

пошелъ въ должность, не желая, при этомъ мягкомъ расположеніи души своей, быть виновникомъ косоглазія Степана Ивановича и намѣреваясь очурнуться и увильнуть отъ должности послѣзавтра въ послѣдній разъ, хотя занятія эти угнетали и томили его донельзя.

День похоронъ пришелъ; и какъ нарочно, Степанъ Ивановичъ былъ въ этотъ день необыкновенно–придирчивъ и все брюзжалъ. Несмотря на истинно–отчаянное положеніе свое, смиренный Воркуновъ пришелъ, однакожъ, въ должность, съ намѣреніемъ не раздражать на этотъ разъ никого самовольною отлучкою, а отпроситься честно, по очень–нужному дѣлу, около часа, потому–что похороны, какъ онъ узналъ, назначены къ двумъ часамъ. Несмотря на всѣ старанія бѣднаго Воркунова, обстоятельства его сложились такъ дурно, что онъ могъ, наконецъ, и то съ великимъ трудомъ, окончить дѣло свое, и отпроситься въ исходѣ втораго. Опасеніе опоздать еще болѣе разстроило бѣдняка и онъ поскакалъ на извощикѣ во весь духъ

къ извѣстной церкви. Издали увидѣлъ онъ уже толпу народа, безконечный поѣздъ каретъ; соскочивъ, спросилъ онъ кого–то: «Что, кончено?» — «Да, ужъ отпѣли», отвѣчалъ тотъ; «вотъ, только–что тронулся поѣздъ».

Воркуновъ зарыдалъ, закрылъ лицо платкомъ и поспѣшилъ догнать гробъ, за которымъ шло нѣсколько человѣкъ ближнихъ родныхъ покойницы и, между–прочимъ, женщина уже въ лѣтахъ, которую вели подъ–руки: вѣроятно мать, о которой доселѣ никто не зналъ и не слышалъ. Воркуновъ былъ истинно въ отчаянномъ положенiи, почти въ какомъ–то изступленiи: все, что столько времени переполняло душу его, что сосредоточивалось въ самой глубинѣ его сердца, пожирая его внутреннимъ, черезъ силу сдержаннымъ, пламенемъ — все это теперь прорвалось наружу. И, скажемъ прямо, каково было расположенiе бѣднаго Воркунова, настроенiе духа его: отдавъ своей Пери–хранительницѣ послѣднiй долгъ и память, онъ рѣшился кончить и развязаться съ

этимъ ненавистнымъ свѣтомъ, перенестись туда, гдѣ она встрѣтитъ его своею ангельской улыбкой....

«Ненавистенъ холодный, себялюбивый міръ этотъ», думалъ несчастный, идя съ поникшей главой за гробомъ, «безотрадна жизнь моя: Степанъ Иванычъ....» но онъ старался устранить отъ себя неумѣстную, въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ мысль объ этомъ докучливомъ человѣкѣ, окинувъ его мысленно презрительнымъ и сострадательнымъ взоромъ съ высоты своего настоящаго величія.. «Никто не подозрѣваетъ, что теперь во мнѣ происходитъ; никто не знаетъ, что здѣсь, за оборванными лепестками этой розы, идетъ не человѣкъ, а только трупъ его, также одни только бренные останки, которые движутся теперь въ послѣдній разъ еще сами–собой, сохраняя подобіе человѣческое; но скоро, скоро и этого не будетъ; мгновенія земнаго бытія его сочтены.... только одинъ разъ еще взглянуть на нее и проститься; а тамъ —

простите, лечу на радостную встрѣчу — душа моя ликуетъ...»

И въ–самомъ–дѣлѣ, никто изъ ближнихъ, шедшихъ за гробомъ, не зналъ и не подозрѣвалъ не только замысловъ этого человѣка, но даже не зналъ его самого, ни таинственныхъ отношенiй его къ покойной. И не до того имъ, признаться, было, во время проводовъ до кладбища, чтобъ заботиться о незнакомомъ, который, повидимому, принималъ такое живое, родственное участiе въ общемъ горѣ ихъ. У насъ смерть уравниваетъ всѣхъ и гробъ покойника доступенъ всякому одинаково....

На кладбищѣ, въ церкви, бѣдному Воркунову сдѣлалось дурно; дыханiе сперлось, въ глазахъ позеленѣло, въ ушахъ зашумѣло. Онъ цѣлыя сутки былъ на ногахъ, ночью не закрывалъ глаза, утромъ съ непомѣрнымъ усилiемъ писалъ какiя–то, чрезвычайно–пошлыя въ его положенiи, бумажонки, между–тѣмъ ненависть къ жизни достигла въ немъ высшей точки своей — близость гроба, въ которомъ были преданы тлѣнiю лепестки райской розы его,

плачъ родныхъ, торжественность обряда и — скажемъ и то — тощій желудокъ, въ которомъ цѣлыя сутки не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ глотковъ воды — все это вмѣстѣ осилило плоть и она временно изнемогла. Нашлись добрые люди, которые и тутъ не покинули чуженина, а позаботились около него: теперь только стали спрашивать: кто это? Но никто его не зналъ, никто не могъ назвать.

Между–тѣмъ, обрядъ продолжался своимъ порядкомъ, и когда Воркуновъ пришелъ въ себя и опомнился, то съ трудомъ протѣснился сквозь толпу, обступившую открытую могилу: только–что хотѣли опускать гробъ и могильщики уже успѣли разсмотрѣть назначенный для этого холстъ и перемигнуться, въ знакъ одобренія его качества, внѣ себя, Воркуновъ бросился на гробъ и умолялъ неотступно дать ему проститься; онъ судорожно обвилъ руки свои вокругъ домовины и готовъ былъ, вмѣстѣ съ нею, броситься въ могилу.... Такая привязанность тронула всѣхъ, хотя и никто не зналъ ея источника, и, по

ходатайству присутствовавшихъ, гробъ былъ вскрытъ.... Воркуновъ бросился внѣ себя, чтобъ въ первый и въ послѣднiй разъ въ жизни своей приложиться къ этой драгоцѣнной для него скудели и....

....и напоролся, неосторожно, на шитый, стоячiй воротникъ, одного очень–почтеннаго и заслуженнаго чиновника, за гробомъ котораго онъ шелъ отъ самаго города и до кладбища. Бѣдный Воркуновъ до–того былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ превращенiемъ, что даже не въ–силахъ былъ выказать своего изумленiя. Похороны кончились очень–спокойно, послѣ того, какъ не извѣстнаго чиновника приподняли подъ–руки и отвели въ сторону. Даже друзья и ближнiе покойника разсказывали, въ доказательство благородства сердца его, какъ облагодѣтельствованный имъ, никому неизвѣстный человѣкъ, отъ избытка признательности своей едва не закопался, вмѣстѣ съ гробомъ покойнаго, въ могилу. Воркуновъ, съ своей стороны, нѣсколько дней не могъ опомниться отъ изумленiя и

былъ до–того пораженъ и озадаченъ, что даже позабылъ о рѣшимости своей поднять на себя руку.